

Козарин Петрович (Молодость, отъезд в поле и освобождение сестры)

А со вецора-та было со тихого,
От оцця, от матушки было от хитрого,
А-й было-й у Петра, гостя торгового:
Да рожалосе цадышко малешенько,
Що малешенько цадышко, синешенько —
Молодыя Козарин-от Петрович же.
Ишше стал же Козарин как ведь трёх годов,
Ишше стал он ходить да всё на-й улицу,
Он играт-то, всё ходит да не по-доброму:
Он какого же робёнка да хватит за руку —
У того же робёнка да руку-й оторвёт;
Он како[го] же робёноцька хватит за ногу —
У того же робёнка ногу оторвёт;
Он какого же робёноцька вперед пехнёт —
Он того же робёнка да живота лишит.
Ишше тут-то мужикам да за беду стало,
За великую досадушку показалосе —
Да приходят к Петру, гостю торговому,
Приходят они да всё ведь с жалобой.
Отець-мати-й от Козарина-й отпиралисе:
«Да у нас не было не вора да не розбойницька,
Не такого же шиша да подорожного!»
Уж тут стал же Козарин да лет семнаццати,
Ишше стал же Козарин да всё на возрости —
Да есён сокол как будто на возлети.
Ише стал он просить да благословленьця:
«Уж вы ой еси, батюшко дак матушка!
Ишше дайте-тко мне да благословленьцё
Ишше съездить-то мне-ка во цисто полё!»
Отець-мати Козарина розговарывали:
«Ишше ты-ко-се, наше цядышко, — малёшенько;
Ты годами, нашо, — да молодёшенько!» —
«Даите́ же — поеду, не даите́ — поеду!»

Отець-мать благословлели да сами плакали:
«Не видать-то нам рожего больше дитятка,
Да по имени Козарина Петровица!»
Да не видели поезки да молодецькое —
Только видели: во цистом поле курева стоит,
Курева-та же стоит, да дым столбом валит.
Да после Козаринова было да бываньца
Да родиласе Козарину да родна сестрица.
Отець-мати Козарина поминают же —
Она стала у их да всё выпрашивать:
«Уж вы ой еси, батюшко да матушка!
Ишше были ле дети да впереди меня?» —
«Ишше был у нас Козарин-от Петрович же,
Да уехал Козарин да во цисто полё». —
«Уж вы ой еси, батюшко да матушка!
Ише дайте-тко мне да благословленьцо:
Я пойду искать родимого-то братёлка,
Да по имени Козарина Петровица!»
Да затопила тут мамушка-та баёнку —
Да 'на мыла красну девицу ведь в баёнки;
Уцёсала у ей да буйну-ту голову
Дорогим гребешком да рыбьей костоцьки;
Уплёла же у ей да трубцяту косу —
Она золотом косу да перевивала,
Она жемьцюгом косу да изнасадила,
Да сама она косы да приговаривала:
«На позор ты, руса коса, достаниссе —
Уж ты злым ле тотарам да на потарзаньё,
Ише злым ле поганим да на поруганьё!»
Да пошла же красна девица по цисту полю,
Розошлáсе она да во чернён шатёр:
Да сидит во шатру да три татарина.
Уж тут-то красна девушка заплакала:
«Да вецор мамушка да послы баёнки
Да уцосала у мя да буйну-ту голову
Дорогим гребешком да рыбьей костоцьки;
Уплётала у мя да трубцяту косу —
Она золотом косу да перевивала,
Она жемьцюгом косу да изнасадила,

А сама мати косы да приговарывала:

„На позор ты, руса коса, достаниссе,
Уж ты злым ле тотарам да на потарзаньё,
Ише злым ле поганим да на поруганьё!"»

Да тотарин девицю да розговарыват:

«Ты не плаць, не плаць, красна руська девиця, да полуночька!

Ише завтро-й у нас да ведь уж дел будёт:

На первой пай насыплём да красного золота,
На другой пай насыплём да скатного жемцюга,
Да на третей пай поставим тя, красную девицю.

Да в жеребью-ту ле мне-ка, девка, выпадёшь,
Ты в... бала, ж ненно мне-ка да ты достаниссе —
Я возьму тибя замуж за брата за большого:

Будёшь ключница да коробейница,

Ты во всей же семьи будёшь розряцциця,
Ты розряцциця во всей семьи укатциця!..»

Пушше старого красна девиця заплакала:

«Как у вас, у-й Орды-земли неверное,
Как не требуют не среды, не пятницы
Да не светла Христова да Воскрисеньиця —
Да едят-то мясо да кобылятину,
Кобылятину-мясо да жеребятину!»

Да другой тотарин девицю розговарыват:

«Ты не плаць, не плаць, девиця, да полуночька!

Да и завтро у нас да-й уж дел будёт:

Да на первой пай насыплём циста серебра,
Да на второй пай насыплём да красного золота,
Да на третей пай поставим да красную девицю.

Да в жеребью-ту ле мне-ка, девка, выпадёшь,
Ты бала ж мянно мне-ка да ты достаниссе —
Я возьму замуж за брата за большого:

Будёшь ключница да коробейница,

Да во всей же семьи да будёшь розряцциця,
Да розрядциця будёшь, укациця,

Будёшь ключница да коробейница!»

А-й пушше старого красна девиця заплакала:

«Да-й у вас, у-й Орды-земли неверное,
Дак не требуют не среды, не пятницы,
Да не светла Христова да Воскрисеньиця —

Да едят-то всё мясо да кобылятину,
Да кобылятину-мясо да жеребятину!»
Да третьей тотарин девицу розговариват:
«Да не плаць, не плаць, девиця да полуноцька!
Ише завтро у нас да-й уж дел будёт:
Да на первой пай насыплём да красного золота,
Да на второй пай насыплём да скатного жемчуга,
Да на третьей пай поставим да красную девицю.
Да в жеребью-ту ле мне-ка да, девка, выпадёшь,
Ты бала, ж мянно мне-ка всё достаниссе —
Да вцераसे у мян сабелька не-й ужинала,
Да сёгодня-то сабля не-й обедала —
Да и завтро-то сабёлки поисть даю,
Я поисть даю сабёлки, позавтрокаты!»
Да не туця туцицьсе, не гром гремит,
Да не гусей, не лебедей стадо налётывало —
Да приехал Козарин да из циста поля,
Да розмахнул-то Козарин да как чернен шатёр.
Он первого тотарина хватил за руку —
Да у того же тотарина руку-й оторвал;
Он другого тотарина хватил за ногу —
Да у того же тотарина ногу-й оторвал;
Да он третьёго тотарина вперёд пехнул —
Да он того же тотарина живота лешил.
«Уж ты ой еси, девиця да ведь красная!
Ты бери-тко, тебе да цёго надобно!» —
«Нецого мне-ка не надобно тотарьскоё,
Мне тотарьскоё не надобно, жидовскоё!
Да и как бы попасть да во свою землю,
Да во свою-ту землю да к оццю, к матушки?» —
«Ты садись-ко, девиця, да на добра коня,
Я свезу-то тебя да во свою землю!»
Да садилась девиця да на добра коня,
Да поехали они да во свою землю.
Да стал он у девици да всё выпрашивать:
«Ты какого же города, какой земли?
Ты цьёго же оцца да цьей же матери?» —
«Из того же я города Чернигова,
Я того же Петра, гостя торгового!

Я пошла искать родимого-то братёлка,
Я по имени Козарина Петровиця.
Ты какого же города, какой земли?
Ты какого же оцця да какой матушки?» —
«Я того же ведь города и той земли,
Я того же оцця да той же матушки!»
Он привёз-то сестрицю ко красну крыльцю,
Колотилисе они у широких ворот —
Не услышали ихны батюшко да матушка.
Он оставил сестрицю да на красном крыльци:
«Не ходи ты ведь больше да не ишши миня!»
Уж вышли как батюшко да матушка
Да отворили воротецька широкия:
«Ты откуль, цядо, взялось, откуль евілосе?» —
«Да привёз-то родимой да меня братёлко,
Да по имени Козарин-от Петрович же!»
Пушше старого они да все тут плакали.

(Зап. А. Д. Григорьевым 17 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Пóтруховой Анны Васильевны, 35 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.